

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ЭКВИВОКАЦИЯ В «МАКБЕТЕ» ШЕКСПИРА И В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В «Макбете» практически все действующие лица прибегают к эквивокации: вешие сестры и видения, Макбет и леди Макбет, их подданные, особенно по мере нарастания тирании Макбета и двоемыслия. Есть сцены, где слово не названо, но показано явление. Несколько раз слово «эквивокация» (и его производные) произнесено: в сцене с привратником, в финальных сценах, когда Макбет усомнился в ему предсказанном и подошел к осознанию механизма эквивокации. Макбет заставил понять суть этого явления и Малькольма: тот прибегает к молчаливой оговорке (одному из способов эквивокации) с целью проверки, можно ли доверять Макдуфу.

Переводчики на русский язык не всегда, но справляются с передачей этого сложного феномена. Андрей Кронеберг с присущей ему «высокостью» звучания XIX века и точностью слова, но иногда без шекспировской детализации – позволяет оценить последующие достижения. Переводы XX века (Сергея Соловьева, Густава Шпета на основе Сергея Соловьева, Михаила Лозинского, Бориса Пастернака) выполнены в условиях тоталитарного времени, и их звучание свидетельствует об аллюзивном понимании ситуации, отраженной в «Макбете»: ситуации тирании, страха и отчаяния. Сложнее приходилось с переводами тех моментов, где требовалось знание исторического контекста шекспировской эпохи. В таких случаях к точному пониманию приближается Владимир Гандельсман – с опорой на Арденовское издание Кеннета Мюира. Этот перевод XXI века дает повод оценить опыт предшественников в свете современности.

«Макбет», Шекспир, эквивокация, молчаливая оговорка, А. Кронеберг, С. Соловьев, Г. Шпет, М. Лозинский, Б. Пастернак, В. Гандельсман.

СЦЕНА С ПРИВРАТНИКОМ

Сцену с привратником (2.3.1–40¹) первым убрал из постановки Уильям Давенант (Willaim Davenant, 1606–1668), и затем эту практику продолжали на протяжении двух веков. Многие, включая Сэмюэла Тейлора Колриджа, считали сцену интерполяцией. Другие, как Томас де Квинси, яростно защищали сцену как свидетельство гения Шекспира.

Очевидно, что данная сцена является театральной необходимостью: Макбет и леди Макбет должны смыть кровь с рук, переодеться. Но варианты «промежуточной» сцены могут быть разными; так Фридрих Шиллер в переводе-переделке предпочел привратника не с похмелья, а трезвого, поющего утреннюю серенаду. Шекспир между кровавым убийством Дункана и последующим обнаружением тела ввел сцену, создающую «топографический», по М.М. Бахтину, план трагедии. В ней приоткрывается бездна ада, звучат современные Шекспиру аллюзии, переплетаются важнейшие для пьесы мотивы.

До того как привратник проснулся, стук в ворота раздавался уже много раз. Сначала внимание на него

обратил Макбет (леди Макбет ушла подложить кинжалы слугам Дункана): «Whence is that knocking? / How is't with me, when every noise appals me?» (2.2.58–59. Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, перевод М. Лозинского: «Где стучат? / Да что со мной? Мне страшен всякий звук»²). Наступает утро, и повседневная жизнь дает о себе знать.

Вернувшись, леди Макбет локализует явление: «I hear a knocking / At the south entry» (2.2.66–67. «В южные ворота стучат»). Топография определена одним словом – южные ворота, т.е. супруги – севернее. Юг в средневековых мистериях ассоциировался с небом, север – с дьяволом [8].

Снова звучащий стук («Hark, more knocking» 2.2.70) заставляет ее торопиться и торопить мужа. Наконец стук выводит Макбета из состояния, которое так тревожило леди Макбет: «Be not lost / So poorly in your thoughts» (2.2.72–73. С. Соловьев: «Не теряйся / Так жалко в мыслях»).

Макбет сначала отвечает ей и себе: «To know my deed, 'twere best not know myself» (2.2.74. «Зная, что я сделал, / Я был бы рад не сознавать себя»), затем на очередном стуке «взрывается»: «Wake Duncan with

¹ Здесь и далее – указание на акт, сцену, строки шекспировского текста. Он цитируется по последнему Арденовскому изданию «Макбета» [2].

² Переводы М. Лозинского, С. Соловьева, Б. Пастернака цитируются по изданию [5], С. Соловьева и Г. Шпета – [4], А. Кронеберга – [6], В. Гандельсмана – [7].

thy knocking, I would thou couldst» (2.2.75. С. Соловьев: «Буди / Дункана, стук! О, если бы ты мог!»). К кому он обращается? Что это – правда или ложь? Хотел бы он «пробуждения» Дункана?

Наконец привратник просыпается и идет к воротам: «Here's a knocking indeed: if a man were porter of Hell Gate, he should have old turning the key» (2.3.1–2). Ироничное придаточное предложение напоминало зрителям о средневековых мистериях, где ад обыкновенно являлся замком, и в данном случае возникала ассоциация замка Макбета и ада, куда прибывают души. А. Кронеберг: «Вот это воистину можно назвать стуком. Будь привратник в аду, было бы кому отворять».

Раздается очередной удар, и привратник вторит: «(Knock) Knock, knock, knock. Who's there, i'th' name of Belzebub? Here's a farmer that hanged himself on th'expectation of plenty. Come in time. Have parkins enow about you; here you'll sweat for't» (2.3.3–5. «Стук за сценой. Стук, стук, стук! Кто там, во имя Вельзевула? Это фермер, который повесился, когда увидел, что будет урожай. Ты как раз вовремя. Платками запасись: тут тебе попотеть придется»). Ситуация считываемая: фермер (для шекспировского времени характерно более раннее значение: *арендатор земли*) придержал прошлогодний урожай, надеясь продать его подороже; увидев же, что в этом году будет хороший урожай, понял, что понесет убытки, и с горя повесился.

Согласно «Оксфордскому словарю английского языка», самый ранний зафиксированный случай употребления слова в современном значении относится к 1599 году. Шекспир использовал форму *farmer's* один раз в «Короле Лире» и два раза в «Укрошении строптивой». Фермер (Farmer) – один из псевдонимов отца Генри Гарнета (июль 1555 – 3 мая 1606), префекта иезуитов в Англии. Случайное ли это совпадение или псевдоним был известен Шекспиру? Упоминание в следующем высказывании *эквивокатора* усиливает эту игру (если она была заложена Шекспиром): да, фермер, но, вполне возможно, и Фермер-Гарнет. Соотносится ли нарисованная ситуация с отцом Гарнетом? Он взращивал свой урожай – окормлял души католиков. Кардинальное отличие ситуаций в том, что он не повесился – был повешен.

Обратим внимание на различия, связанные со временем (*time*). Фолио дает вариант своевременного прихода: *Come in time*. Кембриджское издание приглашает фермера войти: *Come in, farmer*. Вариант Джона Доувера Уилсона: *Come in, time-server*. *Time-server* – это тот, кто меняет позиции в соответствии с ситуацией, то есть своего рода эквивокатор. Этот же вариант дал Кеннет Мюир (Kenneth Muir) в Арденновском издании 1951 года. В 1984-м он предпочел вариант Х. Краббе (H. Grabbe), ссылаясь на личную переписку: *Come in, time-pleaser* (Входи, угождающий времени) [3, с. 58].

Какова логика двух последних вариантов: *time-server, time-pleaser*? *Come in* прозвучит еще дважды – в обращении к эквивокатору и к портному: *O, come in, equivocator* (2.3.11); *Come in, tailor* (2.3.14). Было бы логично, если *Come in* звучало и в адрес фермера, причем слово, употребленное привратником, могло не прямо именовать его, а косвенно – через упоминание

о его ошибке в расчете. Исходя из того, что Шекспир слово *time-server* не использовал, Х. Краббе предлагал *time-pleaser*: это слово звучит в «Кориолане», причем там упомянуто *бесплатно розданное зерно*: «The people cry you mock'd them; and of late, / When corn was given them gratis, you repin'd, / Scandal'd the suppliants for the people, call'd them / Time-pleasers, flatterers, foes to nobleness» (3.1.42–45)³. В переводе О. Сороки *time-pleasers* не зазвучало в полную силу, но слово «флюгерящие» любопытно: «Народ шумит, насмешкой оскорблен / Твоею; и жалел ты, что зерно / Ему бесплатно роздали; бранил ты / Заступников народа, обзывал / Лстецами флюгерящими, врагами / Патрициев».

Новое Арденновское издание возвращает к варианту фолио – без запятой: *Come in time* [2, р. 185]. Приход фермера своевременен – ад готов принять его.

Следующий стук – следующая ассоциация: «(Knock) Knock, knock. Who's there, in th'other devil's name? Faith, here's an equivocator that could swear in both the scales against each scale, who committed treason enough for God's sake, yet could not equivocate to heaven. O, come in, equivocator» (2.3.7–11).

Ситуация, как она описана привратником, рисует изменника типа «и нашим, и вашим», каким Генри Гарнет не был. По-видимому, массовое представление о нем сложилось именно таким: во всяком случае, так его хотели презентовать власти. Или Шекспир сознательно отошел от исторической действительности.

Все переводы различны, и интересно видеть многообразие интерпретаций слова *equivocator* на русском. По-своему справедливы *лжесвидетель* А. Кронеберга, *словоблудник* С. Соловьева, *двуличный человек* М. Лозинского, *иезуит* и *ваше двуличество* В. Гандельсмана.

Сомнения вызывают *двурушник* Г. Шпета и *подкупной свидетель* Б. Пастернака. Оба варианта акцентируют дополнительные смыслы, которых нет у Шекспира (и в исторической реальности). Фраза «for God's sake» может означать, что в случае эквивокатора не было корысти и подкупа – измены совершены «во имя Господне» (А. Кронеберг, М. Лозинский), «во славу Божию» (С. Соловьев, Г. Шпет). Выражение «could not equivocate to heaven» обычно расценивается как указание на то, что эти строки написаны после казни Гарнета 3 мая 1606 года. Воспроизведу переводы.

– А. Кронеберг: «(Стучат) Тук! тук! Кто там, во имя другого черта? Лжесвидетель против кого и за кого угодно. Ведь вот лжесвидетельствовал во имя Господне, а в небеса не пустили».

– С. Соловьев: «Стук, стук, стук! Кто там, во имя другого дьявола? Честное слово, это словоблудник, который мог давать показания против той и другой стороны, что совершил довольно предательств во славу Божью, однако не мог обмануть небеса. О, добро пожаловать, словоблудник!»

– С. Соловьев и Г. Шпет: «Трах, трах! Кто там, во имя дьявола другого? – Честное слово, здесь двурушник, который мог присягнуть в обе стороны против каждой; он довольно предавал во славу божию, и все-

³ Все цитаты из других пьес, кроме «Макбета», даны по полному Арденновскому изданию Шекспира [1].

таким не обдуривал небес; а, добро пожаловать, двурушник!»

– М. Лозинский: «Стук, стук! Кто там, во имя другого дьявола? А это двуличный человек, который умел класть присягу на любую чашу весов против любой чаши; сколько он ни совершил предательств во имя Господне, а все ж таки царства небесного своим двуличием не достиг. Так! Пожалуй сюда, двуличный человек».

– Б. Пастернак: «Колоти себе, колоти! Кто там, во имя другого дьявола? А, понимаю! Это подкупной свидетель, который надувал в судах обе стороны и нагромоздил подлогов с гору, но не мог по ней взобраться на небо. Милости просим! Входи, подкупной свидетель!»

– В. Гандельсман: «Тук-тук. Именем Вельзевула Второго, кто там? Ей-ей, это иезуит, у которого одна чаша весов доносит на другую. Все врал да врал, божась при этом, но небеса не обдурить. Пожалуйте, ваше двуличество!» Любопытно, что этот перевод вмещает в себя информацию о том, что Гарнет много *божился*. (В ходе следствия он возмутил этим судей.)

Шекспировское «could not equivocate to heaven» неоднозначно. Формулировка В. Гандельсмана «Небеса не обдурить» справедлива, но важно не исключать смысла иезуитской доктрины, согласно которой Господь видит сердце эквивокатора, и в этом сердце есть приверженность католической вере, за которую объявленные вне закона у себя на родине были готовы отдать жизни, но прежде – с помощью эквивокации – пытались сохранить себя и укрывавших их. Думается, что для активных католиков на мгновение звучал смысл, открывавшийся только им – преследуемым. Если мысли о Гарнете успевали пронестись в зрительском сознании, то могла мелькнуть и такая: сейчас эквивокатор поругаем, защищаться невозможно, но – «блаженны гонимые»: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5.12). Эквивокатор совершал измену во имя Господне.

И снова стучат: «(Knock) Knock, knock, knock. Who's there? Faith, here's an English tailor come hither, for stealing out of a French hose. Come in, tailor; here you may roast your goose» (2.3.12–15).

Портной – распространенный тип мошенника. В данном случае оговорено, что он специализируется на пошиве штанов французского типа. Они могли быть широкими или, наоборот, в обтяжку. Способность украсть лоскут от широких штанов – не редкость, поэтому А. Кронеберг оговаривает, что штаны – в обтяжку: «Тук! тук! Кто там? Портной-англичанин имеет честь быть впущен сюда за умение украсть лоскут материи от французских штанов в обтяжку. Пожалуйте: тут и утюг ваш можно изжарить». Остальные не специфицируют; воспроизведу Б. Пастернака: «Колоти себе, колоти! Кто там? А, понимаю! Это английский портной, который урезал французские брюки и припрятал остаток. Проходи, портной, в пекле будет тебе где нагреть утюг!»

Реплика скаброзна. На английском здесь много двусмысленностей, и прежде всего: *steal* ассоциируется с *stale* (*urinate* = *мочиться*); *hose* – сленг для обозначения *пениса*; *goose* могло означать не только

утюг, но и *проститутку*, и *венерические заболевания* [2, р. 186]. Возможны ли какие-либо ассоциации с Генри Гарнетом? Скабрзная шутка могла быть связана с распространявшимися пропагандой слухами: о склонности отца Гарнета к выпивке, плотским отношениям с Энн Во (Anne Vaux), хотя он настаивал, что она была сугубо его духовной дочерью. Кроме того, пленен отец Гарнет был при крайне неприятных обстоятельствах. Укрывшись от внезапно – на рассвете – нагрянувших властей в первом попавшемся тайнике, отец Гарнет и отец Эдвард Олдкорн поняли, что это предельно тесное помещение не было приспособлено для укрытия людей: нужду приходилось справлять под себя (коннотации в связи с *stale*). Гарнет и Олдкорн провели в этом – становившимся все более зловонным – убежище 8 дней. 27 января они были вынуждены выйти и сдаться. Даже ожидавшие их стражи пришли в ужас от их вида и состояния их укрытия [9, р. 199].

Стук продолжается: «(Knock) Knock, knock. Never at quiet. What are you? But this place is too cold for hell. I'll devil-porter it no further. I had thought to have let in some of all professions that go the primrose way to the everlasting bonfire» (2.3.15–19. А. Кронеберг: «Вот не дадут покоя! Кто там? Однако, для преисподней тут, черт возьми, холодно. Не хочу быть адским привратником. А думал было впустить всякого звания по штучке: сами же бегут по гладкой дорожке на потешный огонь»).

Наконец привратник подходит к воротам: «(Knock) Anon, anon, I pray you, remember the porter» (2.3.19–20).

А. Кронеберг выпускает просьбу: «Сейчас! Сейчас! *Отворяет ворота*».

Два перевода обнажают денежный интерес обращения к Макдуфу и Леноксу: Б. Пастернак («Сейчас, сейчас! Не обойдите милостью привратника»), В. Гандельсман («Иду, иду! *Отворяет ворота*. Надо поблагодарить привратника, уж будьте любезны»).

Наряду с этим, второй – более зловеющий смысл фразы (не забудьте – помните привратника) запечатлели С. Соловьев («Сейчас, сейчас! Прошу вас не забыть привратника»), М. Лозинский («Сейчас, сейчас! Прошу вас, не забудьте привратника»).

И сама сцена, и привратник, действительно, памяты. Появляются ли ассоциации, что Макдуф – на пороге ада? Зависит от игры актеров. Шекспир информацию заложил. Возможны ассоциации с Генри Гарнетом? Не исключено.

Эта сцена интересна еще и тем, что в ней звучат центральные в пьесе мотивы. С фермером связана тема роста и урожая. Начало этому мотиву положено красивым образом «сева времени» – «seeds of time», когда Банко обращается к вещим сестрам: «If you can look into the seeds of time, / And say which grain will grow, and which will not...» (1.3.58–59. «Коль вам дано провидеть сев времен / И знать, чье семя всхоже, чье – не всхоже...»).

Именно к этой образности прибегает Дункан, обещая Макбету: «I have begun to plant thee, and will labour / To make thee full of growing» (1.4.28–29. Г. Шпет: «Я сам взрастил тебя, труд приложу, / Чтоб ты расцвел»).

Макбет кардинально уклоняется от этого достойного пути, и в уста Ленокса вложена метафора, представляющая Макбета сорной травой, от которой необходимо избавиться, пусть потребуются и пролитие крови, «чтоб вспоить / Державный цвет, а плевел затопить» («To dew the sovereign flower, and drown the weeds» 5.2.30).

В финале Малькольм производит впечатление правителя, знающего, «что надлежит со временем взрастить...» («...would be planted newly with the time...» 5.9.31).

За портным – образы, связанные с одеждой/нарядом. Мотив одежды – своей и чужой, новой и старой, подходящей и нет – проходит через всю пьесу. На него обращаешь внимание при реакции Макбета на приветствие его как тана Кавдорского (на сцене Росс и Ангус могли также надевать на него соответствующие знаки нового сана): «The Thane of Cawdor lives. Why do you dress me / In borrowed robes?» (1.3.109–110. «Но тан Кавдорский жив. Зачем дарить мне / Чужой наряд?»).

Банко в этой же сцене продолжает тему: «New honours come upon him, / Like our strange garments, cleave not to their mould, / But with the aid of use» (1.3.147–149. С. Соловьев: «Смущен / Он честью новой, как чужой одеждой: / Пока нова, неловко как-то в ней»).

Получив знаки внимания и благодарности Дункана, почтение и уважение людей, Макбет готов отказаться от намерения умертвить короля, чтобы «облечься» в новообретенное – золотой наряд славы: «He hath honoured me of late, and I have bought / Golden opinions from all sorts of people, / Which would be worn now in their newest gloss, / Not cast aside so soon» (1.7.32–35. «Он только что меня почтил; я всюду / Собрал так много золотых похвал, / Что надо поносить их в свежем блеске, / А не бросать»).

Леди Макбет отзывается саркастически: «Или твоя надежда / Была пьяна...». В оригинале – надежда, в которую ты облелся: «Was the hope drunk, / Wherein you dressed yourself?» (1.7.35–36).

К этой образности прибегает и Макдуф, прощаясь с Россом перед отъездом того в Скон – на коронацию Макбета. Макдуф явно опасается новшеств, связанных с воцарением Макбета: «Well may you see things well done there. Adieu, / Lest our old robes sits easier than our new» (2.4.37–38. «Прощай. Желаю доброго начала. / Лишь бы обновы нас не слишком жала»).

К лейтмотиву «одежды», ее соответствия или – в случае Макбета – несоответствия вернется Ангус. Его устами будет произнесено ставшее ясным всем и самому Макбету: «Now does he feel his title / Hang loose upon him, like a giant's robe / Upon a dwarfish thief» (5.2.20–22. «...Он чувствует, что власть / Болтается на нем, как плащ гиганта / На низкорослом воре»). Отмечу, что М. Лозинский обычно наиболее точно следует образам оригинала, практически никогда не смешивает образные ряды, даже когда русский язык благоволит этому.

Наконец привратник открывает дверь. Входят не эквивокатор, не фермер и не портной – Макдуф и Леннокс. Макдуф готов поддержать скабресный разговор привратника о том, на какие три вещи провоци-

рует вино («...drink, sir, is a great provoker of three things» 2.3.24), или, по В. Гандельсману, какие три блюда подают на закуску к возлиянию. Мысль привратника изощрена в своей скабресности: «Marry, sir, nose-painting, sleep and urine. Lechery, sir, it provokes and unprovokes: it provokes the desire, but it takes away the performance. Therefore much drink may be said to be an equivocator with lechery: it makes him, and it mars him; it sets him on, and it takes him off; it persuades him, and disheartens him; makes him stand to, and not stand to; in conclusion, equivocates him in a sleep and, giving him the lie, leaves him» (2.3.27–35).

А. Кронеберг предельно краток – его привратник говорит исключительно по существу: «Покраснеет нос, уснешь и – захочется на двор. Оно и еще кое-чего захочется, да уж зуб неймет!» Мысль верна, но традиционна. Интересно, как с этой мыслью работает драматург, специально для этой сцены вызвавший привратника из небытия.

В других переводах проявлена переводческая изобретательность для передачи поворота мысли относительно пьянства в одной связке с похотью, когда их отношения опосредует эквивокация. Шекспир с его «можно сказать» не категоричен – уклончив: «much drink may be said to be an equivocator with lechery». Интересны варианты С. Соловьева («пьянство водит за нос распутство»), Г. Шпета («пьянство двурушничает с блудом»), М. Лозинского («сильный хмель, можно сказать, двуличничает с похотью»). Воспроизведу перевод Б. Пастернака: «Покраснеет нос, завалятся люди спать и без конца во двор бегают. Ведет вино также к бабничанью, волокитству. Наводит на грех и от греха уводит. Хочется совершить, а дело и не выходит. В отношении распутства – вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане».

Найден неоспоримый пример эквивокации в сфере человеческой физиологии, и я бы не исключала, что именно Шекспир – автор сцены, и это его обыгрывание, его – рискованное – остроумие. Переплетение мотивов в «низком монологе» искусно. Обратив внимание на звучание столь занимавшей Шекспира мысли о контрасте между желанием и его исполнением, напомним пару памятных моментов трагедии.

Леди Макбет, вызывая духов, просит их сгустить ее кровь, замкнуть входы и пути жалости, чтобы укоряющий совесть голос природы не поколебал ее намерения: «...That no compunctious visitings of nature / Shake my fell purpose, nor keep peace between / Th'effect and it» (1.5.45–47. «...Чтоб приступы душевных угрызений / Не потрясли ни замысла, ни дела»). Она же возмущена непоследовательностью и нерешительностью мужа, упрекая его: «Art thou afeared / To be the same in thine own act and valour, / As thou art in desire?» (1.7.39–41. «Иль ты боишься / Таким же быть в своих делах и в мощи, / Как и в желаньях?»).

Макбет окончательно эту мысль прочувствует и примет решение о венчании мыслей делами, узнав от Ленокса о бегстве Макдуфа в Англию: «From this moment / The very firstlings of my heart shall be / The firstlings of my hand» (4.1.145–147. «Отныне / Да будет каждый плод моей души / Плодом руки»).

Заключительные в этом диалоге реплики Макдуфа и привратника – хорошая возможность для переводчиков проявить искусство передачи на русский язык откровенно физиологического, что всегда не просто: «I believe drink gave thee the lie last night». – «That it did, sir, i'the very throat on me; but I requited him for his lie, and, I think, being too strong for him, though he took up my legs sometime, yet I made a shift to cast him» (2.3.36–40. «Тебя он, должно быть, основательно уложил сегодня?» – «Вот именно, сударь, прямо за горло схватил. Но я сказал ему: “Врешь!” и, как видно, я посильней, чем он, потому что, хоть он и ставил мне подножки, я все-таки изловчился и вышвырнул его наружу»).

Думается, что эквивокация на темы физиологии любопытна драматургу в не меньшей мере, чем политическая. Уход от однозначности и моновокальности к двузначности, двусмысленности, по крайней мере, а в принципе – многозначности, многоосмысленности явно занимает драматурга.

«РАЗГОВОРЫ НАЧИСТОТУ»

В конце насыщенной событиями сцены 1.3 Макбет готов отправиться к королю и советует Банко подумать о случившемся, и, при удобном случае, когда время все «взвесит», они вернутся к разговору, причем Макбет употребляет характерную формулу о свободных, открытых сердцах: «Think upon what hath chanced; and at more time, / The interim having weighed it, let us speak / Our free hearts each to other» (1.3.156–158. «Подумай о случившемся, а после, / Всё это взвесив, мы поговорим, / Открыв друг другу сердце»). Банко с готовностью соглашается: «Very gladly» (1.3.158. «Буду рад»). У меня же на протяжении трагедии неоднократно возникают сомнения, насколько начистоту говорят герои: без предварительной о том договоренности или с уговором, без умолчания или что-то утаивая.

При первой встрече с вещими сестрами Макбет тотчас ощущает, что ему хотелось бы услышать больше: «Stau, you imperfect speakers, tell me more» (1.3.70). Вещие сестры явно не договаривают, что подчеркивает комментарий последнего Арденовского издания: «*Imperfect speakers* i.e. persons who speak incompletely» [2, p. 142]. Обратим внимание на разнообразие переводов.

– А. Кронеберг: «Постойте, вестницы! Загадки прочь! / Скажите больше мне!»

– С. Соловьев: «Эй, стойте вы, плохие вещуны!»

– Г. Шпет: «Темна мне ваша речь, хочу знать больше».

– М. Лозинский: «Вещуны, стойте! Ваша речь невнятна».

– Б. Пастернак: «Гадальщицы скупые, не таитесь!»

– В. Гандельсман: «Что ж, растолкуйте, скрытницы, свой бред!»

Совершенные в уклончивости своих слов вещуны исчезли – растаяли в воздухе. В письме к жене Макбет фиксирует: «They met me in the day of success, and I have learned by the perfectest report, they have more in them than mortal knowledge» (1.5.1–3). Арденовский комментарий определяет «perfectest report» как самое

надежное свидетельство: «most reliable testimony» [2, p. 153]. Чье свидетельство Макбет имеет в виду? Самих вещей сестер: то, что предсказанное ими тотчас сбывается? Он осведомился о них у знающих людей?

– В. Гандельсман однозначно заложил первый вариант: «Они встретили меня в день триумфа и дали понять с совершенной ясностью, что обладают большим знанием, чем человеческое». В остальных переводах больше возможностей для уклончивости.

– А. Кронеберг: «...и я убежден фактом, что знание их сверхъестественно».

– С. Соловьев: «...и совершившиеся события убедили меня, что знания их более, чем человеческие».

– Г. Шпет: «...и я убедился из самых достоверных источников, что они обладают знаниями выше человеческих».

– М. Лозинский: «...и я убедился достовернейшим образом, что они обладают большим, чем смертное знание».

– Б. Пастернак: «...и удостоверился, что знание их безмерно».

Эта убежденность дорого обойдется Макбету.

Когда Видения загадывают ему не самые сложные загадки, он, несмотря на изначальное предупреждение Банко, не замечает подвохов – предпочитает погрузиться в свои измышления.

Третье Видение предсказывает невозможность поражения Макбета до тех пор, пока «Бирнамский лес не выйдет в бой / На Дунсинанский холм» («Macbeth shall never vanquished be, until / Great Birnam Wood to high Dunsinane Hill / Shall come against him» 4.1.91–93). Макбет решил, что этому никогда не бывать, ибо деревья не ходят: «That will never be. / Who can impress the forest, bid the tree / Unfix his earth-bound root?» (4.1.93–95 «Кто сдвинет лес, кто дерева принудит / Сместиться с корнем?»). Прельщенный началом фразы (о его непобедимости) Макбет не воспринимает примету конца, озвученную Видением. Выделяя «идуший» лес, Видение могло иметь в виду все, что угодно, вплоть до восставших против Макбета людей, укрывшихся за ветвями деревьев. Это первый, согласно «Трактату об эквивокации» [10], способ эквивокации, когда в ход идут неоднозначные слова: будучи употребленными в одном смысле, поняты они – в другом.

Макбет перестает лелеять иллюзии о собственной неуязвимости только, когда «чужая» правда бросается в глаза:

I pull in resolution, and begin
To doubt th'equivocation of the fiend,
That lies like truth: 'Fear not, till Birnam Wood
Do come to Dunsinane', and now a wood
Comes toward Dunsinane. (5.5.41–5)

– М. Лозинский: «Я впал в сомненья и готов подумать, / Что бес хитрил; он лжет правдоподобно. / “Не знай тревог, пока Бирнамский лес / Не двинется на Дунсинан”. И лес / Идет на Дунсинан».

– С. Соловьев: «Да, дьявола двусмысленная речь / Теперь ясна: он правдой лжет...».

– Г. Шпет: «...не верю больше / Двусмысленностям дьявола, который / Правдоподобно лжет...».

– Б. Пастернак: «Я веровал в двусмысленность. Меня / Поймал на правде дьявол, обнадежив...».

– В. Гандельсман: «Уверенность моя / подорвана сомнением: что, как дьявол / правдиво глал...».

Убедившись в двусмысленности этого предсказания, Макбет еще надеется на пророчество Второго Видения: «...none of woman born / Shall harm Macbeth» (4.1.79–80. «Никто из тех, что женщиной рожден, / Не повредит Макбету»). И снова мы имеем дело с первым типом эквивокации [10], основанным на разных значениях слова, но Макбет вплоть до самого последнего момента уверен в своей защищенности: «I bear a charmed life, which must not yield / To one of woman born» (5.8.12–13. «Я зачарован: жизнь мою не сломит / Рожденный женщиной»). Слово *born* – *рожден* для Макбета имеет общее значение «произошел от женщины», в то время как предсказатель в данном случае может иметь в виду и момент вынашивания ребенка, и путь появления на свет.

Услышав от Макдуфа, что он не рожден, но извлечен из чрева матери с помощью кесарева сечения, Макбет теряет почву под ногами:

Accursed be that tongue that tells me so,
For it hath cowed my better part of man.
And be these juggling fiends no more believed
That palter with us in a double sense,
That keep the word of promise to our ear,
And break it to our hope. (5.8.17–22)

– М. Лозинский: «Так проклят будь язык, сказавший это! / Во мне сломил он мужескую доблесть. / Нет больше веры этим хитрым бесам, / Умеющим двусмысленно играть / И, выполнив обещанное слуху, / Нарушить то, что внушено надежде».

– С. Соловьев: «...я проделкам ада / Не верю больше – нас морочит он, / Двусмысленно заворожив словами / И их сдержав, на деле все надежды / Он рушит вдруг».

– Г. Шпет: «И пусть никто не верит плутням ада, – / Он нас морочит слов двойным значением: / Он верен букве слов, не дав того, / Чего мы ждем».

– Б. Пастернак: «Не надо верить прорицаньям ада, / Проклятье им за их двоякий смысл! / Слова их не обманывают слуха, / Чтoб тем полней надежды обмануть».

Мы рассмотрели моменты, когда слово *эквивокация* названо самим автором, но феномен эквивокации пронизывает пьесу, и когда слово не явлено. Как читатель/зритель ты внимательно следишь за каждой фразой, осознавая невозможность избавиться от эффекта слышания других смыслов.

Ленокс приветствует Макбета: «Good morrow, noble sig» (2.3.43), – и здесь нет подвоха: «С добрым утром, сэръ». В устах Макбета ответное приветствие Леноксу и Макдуфу («Good morrow both». 2.3.43) вызывает сомнения: а доброе ли это утро?

Макдуф задает невинный вопрос «достойному тану»: «Is the King stirring, worthy thane?» (2.3.44. «Король не просыпался?»). Ответ Макбета воспринимается как эквивокация: «Not yet» (2.3.44) – в значении *нет еще (not as yet)* и *уже нет* – нет, король больше уже никогда не пошевелится (*no longer*).

Начинается светская беседа, где все эквивоки чреватны неприятностями. Макдуфу пора будить короля,

Макбет готов провести его в опочивальню. Макдуф: «I know this is a joyful trouble to you...» (2.3.47. «Я знаю, ты заботам этим рад...»). Рад ли Макбет в сложившейся ситуации?..

Макдуф уходит, диалог продолжит Ленокс, – и снова абсолютно невинный вопрос: «Сегодня ли отбывает король?» – для Макбета теряет свою невинность. В английском языке хорошо слово *hence* – *отсюда* и *из этого мира (from this world, from this life)*. Он пытается отвечать честно, но приходится уточнять, ибо правда уходит из-под ног – он сам выбил ее: «Goes the King hence today?» – «He does: he did appoint so» (2.3.52–53. «Король сегодня / Отсюда едет?» – «Да. Он так назначил»).

Эквивокация становится неизбежным спутником совершившего убийство Макбета. Когда он вынужден говорить неправду, его ложь обращается в правду: «Had I but died an hour before this chance, / I had lived a blessed time...» (2.3.92–93. С. Соловьев: «Когда бы часом раньше умер я, / Я прожил бы блаженно...»). За такого рода «двусмысленным» общением особенно интересно наблюдать.

Умерщвлен король. Законный вопрос младшего сына в ответ на поднятую тревогу: «What is amiss?» (2.3.98. «Что здесь? Несчастье?»). Макбет начинает красивую речь: «You are, and do not know't: / The spring, the head, the fountain of your blood / Is stopped, the very source of it is stopped» (2.3.98–100. Г. Шпет: «Вам кровь не говорит? / Родник и ключ, начало вашей крови / Иссякли, – да, источник сам иссяк»). Повидимому, он мог бы продолжать витийствовать, но Макдуф неметафоричен и краток: «Your royal father's murdered» (2.3.101. С. Соловьев: «Ваш царственный отец убит»).

Естественный вопрос старшего сына – «O, by whom?» (2.3.101. «O, кем?»). Отвечает Ленокс: «Those of his chamber, as it seemed, had done't» (2.3.102. «Своими спальниками, очевидно»). Он продолжит их неприглядное описание, а мы остаемся с этим «красноречивым» «as it seemed» (как кажется, повидимому). Только А. Кронеберг не вложил в уста Ленокса сомнения: «Придворными, что спали вместе с ним». Остальные этот нюанс доносят до русскоязычного читателя.

Поверили или не поверили присутствовавшие, что убийцами короля стали его слуги? Макбет так красноречив в ответе на вопрос, зачем он убил их, что, кажется, он убедил их: «Who can be wise, amazed, temperate and furious, / Loyal and neutral, in a moment? No man. / The expedition of my violent love / Outran the pauser, reason» (2.2.109–112. «Кто может быть зараз умен, безумен, / Спокоен, бешен, верен и уклончив? / Никто. Стремление страсти упредило / Неспешный разум»).

Его заверение в любви к Дункану, думается, могло восприниматься с доверием: «Who could refrain, / That had a heart to love, and in that heart / Courage to make 's love known?» (2.3.117–119. А. Кронеберг: «O, кто же, / В чьем сердце есть отвага и любовь, / Своей любви не доказал бы делом?»). Подозрение, безусловно, тоже могло возникнуть, но так или иначе против столь пламенной риторики Макбета никто не возражает.

Взять на себя слово в этой ситуации мог бы Малькольм, но он решился обратиться исключительно к брату: «Why do we hold our tongues, that most claim / This argument for ours?» (2.3.121–122. В. Гандельсман: «Да что ж мы прикусив язык стоим, / нам первыми здесь говорить пристало»). Доналбайн, по видимому, ощущает опасность – уязвимость их юности: «What should be spoken / Here, where our fate, hid in an auger hole, / May rush and seize us?» (2.3.122–124. А. Кронеберг: «Что говорить, когда судьба в засаде, / Готова выскочить и нас убить?»).

Банко знает больше других, но он молчит и о том, что знает, и о чем догадывается. Из его уст мы слышим «богато украшенное» уверение: «In the great hand of God I stand, and thence / Against the undivulged pretence I fight / Of treasonous malice» (2.3.131–133. «В великой длани божьей я стою / И ополчаюсь против тайных козней / Предательства»). Это упоминание руки Господней, противостояния тайному обману и злостному предательству порождает вопрос: Банко полагает, что Господь читает его мысли, или все же следовало бы подтвердить заявление делом?

Красивые речи ни того, ни другого не убеждают сыновей Дункана. Малькольм однозначен: «Let's not consort with them. / To show an unfelt sorrow is an office / Which the false man does easy» (2.3.136–138. А. Кронеберг: «Оставим их: / Выказывать притворную печаль / Изменникам легко»).

Проницателен и младший: «Where we are, / There's daggers in men's smiles...» (2.4.140–141. «Здесь в людских улыбках – / Кинжаль»).

Братья откровенны друг с другом. А придворные?

Когда Росс пытается расспросить Макдуфа о том, что происходит (2.4.20–38), тот строго придерживается официальной (Макбета) версии событий. Ни вопросы, ни сомнения Росса не провоцируют его на откровенность.

Банко «раскрывает свои карты» только перед зрителем. Зная больше остальных, он подозревает Макбета в гнусной игре («...I fear / Thou played'st most foully for't» 3.1.2–3. «...Боюсь, / Ты здесь играл нечисто...»). Открыто он никому ничего не скажет, ибо у него свой интерес: он надеется, согласно предсказанию, быть «корнем и отцом / Властителей» («...myself should be the root and father / Of many kings» 3.1.5–6).

Банко, похоже, стал осторожнее: от прямых ответов уклоняется. Казалось бы, на вопрос Макбета: «Is't far you ride?» (3.1.23. «А далек ваш путь?») – можно было бы ответить, куда они едут (о сыне он не упоминает – Макбету приходится специально уточнять), но по привычке ли измерять расстояние необходимым временем или из каких-либо других соображений Банко задействует временные характеристики: «As far, my lord, as will fill up the time / 'Twi'xt this, and supper...» (3.1.24–25. «Таков, что на него уйдет все время / До ужина...»).

Заняв трон, Макбет плетет козни. Следит ли он за реакцией Банко, или она даже не интересует его, когда он говорит о происходящем в Англии и Шотландии, где скрылись его – «наши кровавые племянники» («our bloody cousins» 3.1.29)? Те не склонны признать отцеубийство и распространяют, по Макбету, странные выдумки («strange invention» 3.1.32). Если Макбет

испытывает реакцию Банко, то в словах она не выражена. Банко слушает молча, и здесь важны сценические решения.

Искренен Макбет только с женой, хотя и от нее он отдалился. Их разговоры дают нам ощутить масштаб происходящих перемен. Не так давно ценимый как освободитель отчизны Макбет готов допустить распад связи вещей, страдания обоих миров, только бы им двоим есть без страха свой хлеб, спать спокойно – без ужасных сновидений: «But let the frame of things disjoint, both the worlds suffer, / Ere we will eat our meal in fear, and sleep / In the affliction of these terrible dreams / That shake us nightly» (3.2.17–20. «Нет, пусть рухнет всё, / Пусть оба света сгинут, – мы не станем / За стол садиться с трепетом и спать / Среди жутких снов, гнетущих нас в ночи»). Здесь появляется рискованный – характерный для времени образ пытки с любимым в плане обыгрывания значений глаголом *to lie*: «...on the torture of the mind to lie / In restless ecstasy» (3.2.22–23. С. Соловьев: «...в вечном иступленьи / На ложе пытки корчиться»).

Выразительно заклиятие Макбета ведьмам – он готов принять даже уничтожение мира, лишь бы получить ответы на свои вопросы (4.1.51–60). Скоро Макбет снова заговорит об «усталости от солнца» и желании разрушения мира: «I 'gin to be weary of the sun, / And wish th' estate o' th' world were now undone» (5.5.48–49). Обратим внимание на перевод В. Гандельсмана: «Хочу, чтоб свет поник и перестал / светить, а мир взорвался. Я устал», – думается, с непреднамеренным – не в связи с Пороховым заговором – употреблением слова «взорвался», но любопытно звучащим в этом контексте.

Шекспир показывает ад, через который проводит себя Макбет (трагический герой), и ад, навлекаемый им (трагическим злодеем) на Шотландию. Не успевает Макбет упомянуть жене о подкупленных им слугах в домах знати – для доноса ему обо всем, что там происходит («There's not a one of them but in his house / I keep a servant fee'd» 3.4.129–130), как через сцену мы ощущаем странность коммуникации – последствие наушничества и шпионства, когда невозможно понять, что у человека на уме. Ироничная речь Ленокса оставляет в сомнении, не провокатор ли он. (Эквивокация и провокация близки друг другу не только в обрисованном привратником плане вина и похоти.)

Ленокс начинает с витиеватого: «My former speeches have but hit your thoughts / Which can interpret further. Only I say / Things have been strangely borne» (3.6.1–3. А. Кронеберг: «Я намекнул вам кой на что – и только, / А дальше изъясняйте, как угодно. / Мне только странно, как тут все случилось»).

Ленокс продолжает говорить с акцентированным вниманием к тому, что он говорит и что думает, что думает и говорит собеседник:

– «...you may say, if't please you...» (3.6.6. ...если вам угодно, вы можете сказать...),

– «Who cannot want the thought...» (3.6.8. Кто не подумает...),

– «So that I say...» (3.6.16. Итак, я говорю...),

– «...and I do think» (3.6.17. ...и я так думаю).

Иронично упомянув все несообразности, сопутствовавшие приходу к власти Макбета, и тем самым

подготовив слушателя к откровенности, Ленокс ловко останавливает себя, чтобы умело задать интересующий его вопрос. Это воспринимается как провокация, но что-либо определенно утверждать невозможно: «But peace; for from broad words, and 'cause he failed / His presence at the tyrants feast, I hear / Macduff lives in disgrace. Sir, can you tell / Where he bestows himself?» (3.6.21–24. «Но тише! Вольность речи и неясность / На пир к тирану навлекли, я слышал, / Опалу на Макдуфа. Вам известно, / Куда он удалился?»). Его собеседник, увы, «ведется» на откровенность, и его «открытие» себя – помимо информации о Макдуфе – чревато доносом и казнью.

Шекспир предельно ясно показывает атмосферу, где никому нельзя доверять и где ты сам можешь оказаться без вины виноватым изменником. Росс объясняет своей кузине – жене Макдуфа: «But cruel are the times when we are traitors / And do not know ourselves; when we hold rumour / From what we fear, yet know not what we fear, / But float upon a wild and violent sea / Each way and move» (4.2.18–22. С. Соловьев и Г. Шпет: «Жесток тот век, когда изменник ты, / Того не зная сам, когда и слухи / Внушают страх, – неведомо, пред чем, / И носимся по яростным волнам, / Куда они влекут»).

Разговор Макдуфа с Малькольмом становится вершиной эквивокации. Малькольм сразу дает знать о своем недоверии собеседнику: ему непонятно, можно ли верить произнесенным Макдуфом словам: «What you have spoke, it may be so, perchance» (4.3.11. «Все, что сказал ты, может быть, и правда»).

Верить Малькольму не может по вполне очевидной причине, которую он тоже озвучивает. Макбет, этот тиран, одно имя которого язвит языки произносящих («This tyrant, whose sole name blisters our tongues» 4.3.12), некогда слыл честным («was once thought honest» 4.3.13). Макдуф ценил его («you have loved him well» 4.3.13), и Макдуф до сих пор остается не тронутым Макбетом («He hath not touched you yet» 4.3.14). В силу своей юности и неопытности Малькольм благоразумно опасается стать жертвой: «I am young, but something / You may discern of him through me, and wisdom / To offer up a weak, poor, innocent lamb / To appease an angry god» (4.3.14–17. С. Соловьев: «Да, я молод; / Но можете ему вы услужить / Через меня; не мудро ли ягненка, / Невинного и слабого, заклать, / Чтобы смирить разгневанного бога?»).

Макдуф может какими угодно интонациями заверять, что коварство ему чуждо («I am not treacherous» 4.3.18), Малькольм знает одно: его мысли не способны постичь глубинное в Макдуфе, его суть: «That which you are, my thoughts cannot transpose» (4.3.21. «Что б я ни думал, ты таков, как есть...»).

Тот факт, что Макдуф оставил жену и детей, не способствует доверию. Малькольм просит его не обижаться, уточняет, что опасается его не безусловно («Be not offended; / I speak not as in absolute fear of you» 4.3.37–38. В. Гандельсман: «Лорд, не обижайтесь. / Я не во всем недоверяю вам»), но его страх и невозможность доверия говорят сами за себя.

Испытывая Макдуфа, Малькольм разыгрывает игру в трех актах. Игра не самая изощренная, но, судя по реакции Макдуфа, она удалась. Трехактной экви-

вокации оказывается достаточно, чтобы Малькольм пришел к выводу о том, что *есть* Макдуф. Малькольм словно не испытывает ни малейшего неудобства по поводу этого «тестирования», но искренне радуется, когда Макдуф взрывается, что человеку, обрисованному Малькольмом, не пристало не только царствовать, но жить («Fit to govern? / No, not to live» 4.3.102–103). Для Малькольма благородный гнев Макдуфа – свидетельство его честности и цельности («...this noble passion, / Child of integrity...» 4.3.114–115). Будущий правитель с готовностью объясняет, что дьявольский Макбет («devilish Macbeth» 4.3.117) уже не раз пытался перехитрить его и научил не быть легковерным.

С детской, я бы сказала, непосредственностью Малькольм «берет назад» свои лжепризнания – «unspeak mine own detraction» (4.3.123). Он даже удивляется, почему молчит Макдуф («Why are you silent?» 4.3.137). Макдуф к эквивокации непривычен: «Such welcome and unwelcome things at once / 'Tis hard to reconcile» (4.3.138–139). Переводчики называют *не названное* у Шекспира: *welcome and unwelcome things*. – А. Кронеберг: «Меня смутил внезапный переход от горя к радости».

– С. Соловьев: «Мгновенно перейти от горя к счастью / Не так легко».

– Г. Шпет: «Такую милость и немилость трудно / В себе согласовать».

– М. Лозинский: «Такую скорбь и радость как-то сразу / Не примирить».

– Б. Пастернак: «Нельзя / Перелететь от горя сразу к счастью».

– В. Гандельсман: «Не просто радость с горем сочетать / в одно мгновение».

Ситуация – не с точки зрения сторонника эквивокации – получается некрасивой: законный наследник трона беззастенчиво наговаривает на себя, чтобы затем забрать свои слова обратно (*speak and unspeak*), словно это возможно...

Думается, уроки Макбета уже не забудутся, и у Малькольма есть все шансы преуспеть в эквивокации: «My first false speaking / Was this upon myself» (4.3.130–131. В. Гандельсман: «Поклеп на самого себя был первой / моей неправдой»). Хорошее ли это приобретение – умение прибегать к эквивокации? Мы помним, как Дункан с Малькольмом обсуждали казнь Кавдора, и Дункан признался, что всегда питал к нему безусловное доверие: «There's no art / To find the mind's construction in the face: / He was a gentleman on whom I built / An absolute trust» (1.4.11–14. «Никто / не распознает душу по лицу: / То рыцарь был, которому я верил / Всецело»). Ошибся он, как показало время, и в Макбете. Малькольм научился не только не доверять безусловно, но судить о душе ли, расположении ли ума не по лицу, а по реакции (включая словесную) на грамотно выстроенную проверяющую ситуацию. Возможно ли уклониться от ответа на его поставленный вопрос: «If such a one be fit to govern, speak» (4.3.101 «Теперь скажи, достоин ли я править»)? В. Гандельсман даже оставляет зазор для *молчаливой оговорки*: «Скажите, / достоин ли у власти быть такой / каков я есть?» Мы можем легко восстановить то продолжение, которое Малькольм мыслен-

но произносит: «...как обрисовал себя, чтобы проверить тебя». С учетом «Трактата об эквивокации» мы узнаем четвертый способ – *mental reservation*, уклончивость, реализуемая в молчаливой оговорке [10]. Стоит продолжить сказанное вслух произносимым про себя, и молчаливая оговорка позволит считать сказанное не ложью, но эквивокацией.

Некогда украв «себя у смерти оттуда, где украли милосердие» (В. Гандельсман: «There's warrant in that theft / Which steals itself, when there's no mercy left» 2.3.146–147), Малькольм стал не легкой целью для поражения.

К печальной эквивокации приходится прибегать Россу. Читатель понимает его тактику, но Макдуф недогадлив.

M a c d u f f	How does my wife?
R o s s	Why, well.
M a c d u f f	And all my children?
R o s s	Well too.
M a c d u f f	The tyrant has not battered at their peace?
R o s s	No, they were well at peace, when I did leave 'em.
M a c d u f f	Be not a niggard of your speech. How goes't? (4.3.177–181)

Если говорить об игре смыслов слова, надо иметь в виду не только значение *в хорошем состоянии*, но и *счастлив, благ*. В точку попадает В. Гандельсман – эквивокацию передает только он: «А как моя жена?» – «В покое, сэр». – «А дети?» – «Тоже». – «Мир их не нарушен?» – «Покой и мир». – «Вы скупы на слова».

Переводить *well* как *хорошо* (С. Соловьев, Анна Радлова) или *прекрасно* (Юрий Корнеев) мне представляется странным. В первых репликах данного диалога (последние в большей или меньшей степени удаются) важно дать зазвучать именно эквивокации – не лжи.

– С. Соловьев: «Ну, что моя жена?» – «Что ж? Хорошо». – «А дети?» – «Ничего». – «Тиран их мира не нарушил?» – «Нет, / Я их оставил в мире».

– Г. Шпет: «Ну, как жена?» – «Хм... Ничего». – «А дети?» – «Дети также». – «Их скромный мир тираном не нарушен?» – «Когда я уезжал, спокойно было». – «Вы скупы на слова...».

– М. Лозинский: «Благополучна ль / Моя жена?» – «Вполне». – «А дети?» – «Тоже». – «Тиран еще не нарушал их мира?» – «Они вкушают безмятежный мир». – «Не будь так скуп на речи».

– Б. Пастернак: «Ну, как моя жена?» – «Без перемен». – «А дети как?» – «Все так же». – «Изувер их мира не нарушил?» – «Не нарушил. Я в мире их оставил».

Малькольм пытается утешить Макдуфа: «Be comforted. / Let's make us medicines of our great revenge, / To cure this deadly grief» (4.3.216–218. С. Соловьев: «Мужайся, / Великой мезтью можно исцелить / Твою печаль смертельную»). Макдуф отвечает: «He has no children» (4.3.219), – и непреднамеренно слова его обретают тройной смысл.

Должно быть, Макдуф имеет в виду Макбета, и этот момент запечатлели А. Кронеберг («Макбет без-

детен!)), Б. Пастернак («Но Макбет бездетен!)), В. Гандельсман («Макбет бездетен»).

Не исключен вариант ощущения неловкости утешения, и Макдуф словно напоминает себе, что Малькольм слишком юн – бездетен, чтобы понимать, что такую печаль никакой мезтью не исцелишь. Второй смысл, наряду с первым, зазвучал у С. Соловьева: «А он / бездетен».

Третий вариант прочтения – Макдуф думает о себе. Отстраненно, с бесконечной болью осознает свое полное одиночество. На мой взгляд, наилучший вариант перевода – у М. Лозинского. Он оставляет возможность для всех трех интерпретаций: «Он бездетен...» (У Г. Шпета предложение «портит» восклицательный знак: «Бездетен он!..»).

Упомяну еще выразительную сцену придворной дамы и доктора, великолепно передающую атмосферу наушничества и доноса. Устав от ожидания (уже две ночи, как рассказ дамы не подтверждается), доктор предлагает, чтобы придворная дама рассказала ему, что именно говорит во сне леди Макбет. Дама отказывается («That, sir, which I will not report after her» 5.1.15), и он настаивает, что она не только может сказать ему, но ей следовало бы это сделать («You may to me, and 'tis most meet you should». 5.1.16). Ее ответ однозначен: «Neither to you, nor anyone, having no witness to confirm my speech» (5.1.17–18. «Ни вам и никому другому, потому что у меня нет свидетелей, которые подтвердили бы мои слова»). Даже придворные дамы усвоили урок о необходимости неголословного утверждения и наличия свидетелей, а еще лучше – уклонения от речи, молчания.

Хорошо продолжение этой линии, когда доктор, реагируя на сообщение леди Макбет относительно жены Макдуфа, замечает даме, что она узнала, чего не следовало («You have known what you should not». 5.1.46–47). Она тут же справедливо возражает, что это леди сказала, что не следовало говорить («She has spoke what she should not...» 5.1.48). Разумеется, никто из них не комментирует истоки: Макбету и его леди не следовало убивать.

Доктор, по-видимому, задумался о «дурной молве» о Макбете: «Foul whisperings are abroad» (5.1.71). Это один из отголосков важной для трагедии темы «Fair is foul...» (1.1.9. Г Шпет: «Свет есть тьма...»). Справедливые (*fair*) слова воспринимаются как дурные, грязные (*foul*) слухи, но распространяться об этом благоразумный доктор не станет. «My mind she has mated and amazed my sight. / I think, but dare not speak» (5.2.78–79. Г. Шпет: «Смущен мой ум, поражены и очи. / Но лучше – помолчать»).

Через шотландские события XI века Шекспир запечатлел современные ему проблемы Англии Нового времени, включая обусловленные вопросами религии. В то время как активные католики и пуритане внешне были вынуждены демонстрировать лояльность по отношению к Англиканской церкви, расхождение между присущей им глубинной верой и внешним конформизмом усиливалось. Штрафы и тюремные заключения (не говоря о казнях) рекузантов производили должный эффект. Если инакомыслящие не покидали родину, двуличие и подозрительность нара-

тали. Сложности традиционно активизируют развитие языка в самых разных направлениях.

Литература

1. The Arden Shakespeare: Complete Works / W. Shakespeare; ed. Richard Proudfoot, Ann Thompson and David Scott Kastant. – London: Thomson Learning, 2001 (revised edition; first published 1998). – 1347 p.

2. Shakespeare, W. Macbeth / W. Shakespeare; ed. Sandra Clark, Pamela Mason. – London: Bloomsbury Arden Shakespeare, 2015. – 381 p.

3. Shakespeare, W. Macbeth / W. Shakespeare; ed. Kenneth Muir (First published: London, Methuen and Co. Ltd., 1951). – London: Thomson Learning (The Arden Shakespeare), 2003. – 190 p.

4. Шекспир, Вильям. Трагедия о Макбете / У. Шекспир; пер. С.М. Соловьева и Г.Г. Шпета // Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / отв.

ред.-сост. Т.Г. Щедрина. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – С. 268–359.

5. Шекспир, У. Макбет: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – Москва: ПРОЗАИК, 2015. – 431 с.

6. Шекспир, У. Макбет / У. Шекспир; пер. А.И. Кроненберга // Шекспир У. Трагедии / под общ. ред. Р.В. Грищенкова. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – С. 817–912.

7. Шекспир, У. Макбет / У. Шекспир; пер. В. Гандельсмана // У. Шекспир. Макбет. Гамлет. – Москва: Новое издательство, 2010. – С. 7–173.

8. Jones, Emrys. Scenic Form in Shakespeare. Rev. edn. / Emrys Jones. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – P. 213.

9. Shapiro, James. 1606. Shakespeare and the Year of *Lea* / James Shapiro. – London: Faber and Faber, 2015. – 423 p.

10. A Treatise of Equivocation / ed. David Jardine. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – 180 p.

L.V. Yegorova

EQUIVOCATION IN SHAKESPEARE'S *MACBETH* AND IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Equivocation permeates the whole world of *Macbeth*. The weird sisters and apparitions, Macbeth and his lady, all Macbeth's countrymen tend to pervasive equivocation as Macbeth's tyranny and everybody's double-thinking intensify. The word *equivocation* sounds several times in the scene with the Porter and in the final scenes where Macbeth comes to realize the essence of equivocation.

The Porter's part was cut for nearly two centuries after William Davenant first began the practice. In the first part of the article, the author shows the organic character of the scene with the Porter, its connection with historical events and Henry Garnet as the primary figure in the context of equivocation.

The second part of the article demonstrates the most memorable cases of mental reservation and equivocation, duplicity and suspicion, since the theme of ambiguous and equivocal speech is suffused throughout the play.

Special attention is paid to the translations of such a difficult phenomenon as equivocation into Russian.

Macbeth, Shakespeare, equivocation, mental reservation, Mikhail Lozinsky, Sergey Soloviev, Gustav Shpet, Boris Pasternak, Vladimir Gandelman.